

УДК 930.1

ВИКТОР ВИТЕНСКИЙ И ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ IV–V вв.

© 2013 г.

В.М. Тюленев

Ивановский госуниверситет

tulenev31@bk.ru

Поступила в редакцию 15.12.2013

Рассматривается вопрос об особенностях «Истории преследований в Африканской провинции» Виктора Витенского как памятника позднеантичной историографии. Прослеживается связь произведения Виктора Витенского с западной церковно-исторической традицией IV–V вв. Доказывается, что Виктор активно использует подходы Лактанция, Евсевия, Руфина, Сульпиция Севера и Орозия к изложению и объяснению истории.

Ключевые слова: Виктор Витенский, Поздняя античность, церковная историография, историческая мысль.

Не так давно, в октябре 2013 г. в Белгороде состоялась защита докторской диссертации И.Ю. Ващевой «Феномен “Церковных историй” в эпоху поздней античности» [1]. Мне довелось выступить на этой защите в качестве оппонента с отзывом, в котором среди прочего был затронут вопрос о границах церковной историографии и о необходимости включить в число произведений церковно-исторической направленности труд Виктора Витенского «*Historia persecutionis Africanae provinciae*». Поскольку вопрос этот не так прост и не сводится только к формальной стороне, то хотелось бы в специальной статье более последовательно изложить свою аргументацию в пользу включения труда Виктора в западную церковно-историческую традицию, рассмотрев особенности сочинения этого африканского автора V в.

В отечественной историографии интерес к произведению Виктора по целому ряду причин был не слишком большим, несмотря на важность этого труда как исторического свидетельства о вандалском владычестве в Африке V в. Первый перевод «Истории» Виктора на русский язык был подготовлен еще в 1970 г. С.А. Беляевым [2], а в 2007 г. был издан перевод В.А. Дорофеевой с научным комментарием М.Ф. Высокого [3]. К сожалению, статья, написанная к сборнику текстов церковных историков IV–V вв. М.А. Тимофеевым, дает лишь самое общее представление о творении Виктора [4, с. 282–290]. Думается, все это позволяет более подробно поговорить о том, что собой представляет сочинение о гонении на христиан-никейцев со стороны королей вандалов.

О Викторе Витенском известно не так много. Он родился на рубеже 20–30-х гг. V в., по всей видимости, в городе Вита в провинции Бизацена Северной Африки [4; с. 282–283]. Примерно в 487 г. он занял епископскую кафедру в той же провинции [5, р. 9], а в 488 или в 489 г. составил свой исторический труд [5, р. 9], в котором живописал страдания африканских православных христиан во времена правления Гейзериха (428–477) и его сына Гунериха (477–484).

Обращаясь к этому сочинению, исследователи традиционно ставят несколько вопросов, позволяющих определить место творения Виктора в литературной и историографической традиции поздней античности. Первый вопрос касается адресатов сочинения и в этой связи, его идеологической направленности. На этот счет в историографии утвердилось мнение, прежде всего благодаря В. Феи, о том, что Виктор хотел быть услышанным в первую очередь на христианском Востоке и через это подвинуть Константинополь на вторжение в Африку для избавления православных христиан от ариан-вандалов и местных донатистов, оживившихся с приходом варваров [6]. Н. Шварц, говоря об особенностях «Истории преследований», не только поддержал эту точку зрения, но и пришел к убеждению, что именно стремление Виктора заставить Византию вступить с вандалами в войну привело к сознательному искажению историком действительности, к максимальной драматизации ситуации в ущерб исторической правде [7, р. 24–25].

Однако сложно найти реальные подтверждения этой красивой гипотезы. Конечно, труд Виктора написан с явно проримских позиций,

если понимать под этим прежде всего защиту римских ценностей. Рассказывая о вторжении вандалов в Африку и о проводимой ими политике, Виктор неоднократно подчеркивает, что вандалы пришли не просто как завоеватели, но прежде всего как враги основ римской государственности: они принесли рабство вместо свободы, подвергли изгнанию из Карфагена сенаторов и сиятельных мужей. Так, Виктор пишет, что Гейзерих «множество сенаторов и почтенных людей (*senatorum atque honoratorum multitudinem*) подверг суровому заточению, а потом изгнал за море... и мы узнали многих епископов и мирян, славных и почтенных мужей (*claros atque honoratos viros*), ставших рабами вандалов» (I. 4)¹.

Более того, Виктор поднимает столкновение живших в Африке римлян и завоевателей вандалов до уровня культурного противостояния: столкнулись не просто народы, но цивилизация с дикостью. В V книге своей «Истории» Виктор посвящает целый отрывок характеристике варваров: «Разве могут они называться каким-то иным собственным именем, кроме того, которым называют их, – варварами? Как бы то ни было, они обладают именем дикости, кровожадности и утраченного... Они ничего не знают, кроме ненависти к римлянам... они жаждут, чтобы померк блеск и само имя римлян» (V. 18). В то же время Виктор не устает подчеркивать, что Гунериху противостояли «ученейшие епископы» (II. 16), что король «призвал опытных и ученейших мужей, чтобы погубить их» (II. 18). Некий Лет, сожженный по приказу короля, опять-таки характеризуется как «деятельный и образованнейший муж» (II. 18). И, естественно, католики одерживают верх в ходе спора, то есть посредством слова, над арианским епископом Кирилой, который даже признается в своем незнании латыни (II. 18). Но при всей антиварварской риторике Виктор Витенский крайне мало пишет о Риме и Константинополе вообще и как о потенциальных защитниках Африки в частности. Рим как таковой дважды упомянут в «Истории» Виктора. Во-первых, в связи с событиями 455 г., когда он пал жертвой вандалского вторжения, в результате чего на африканское побережье было привезено множество пленных, заботу о которых берет на себя карфагенский епископ Деограций (I. 8). Во-вторых, как центр христианского (кафолического) мира, дающий обескровленному Карфагену пресвитера и священников (I. 11).

Что касается императоров, правивших в Константинополе, то Виктор отводит им явно не самую благовидную роль в конструируемой

им драме. Конечно, они выступают в тексте защитниками истинной веры: сначала по просьбе Валентиниана, а затем Зенона «открываются» церкви в Карфагене (I. 8; 17). Но, во-первых, вскоре после обращения Валентиниана и уступки ему церковь в Карфагене вновь была закрыта, с чем, собственно, и связано повторное обращение. Во-вторых, Виктор изображает константинопольского императора фигурой в значительной мере подчиненной обстоятельствам и бессильной: Зенон не требует, а именно молит (*Zenone principe supplicante*) Гейзериха об открытии церкви в Карфагене (I. 17). И вряд ли в этом можно видеть единственно противопоставление христианского смирения варварской дикости и жестокости.

Далее мы видим, что именно легат императора Зенона, Регин, зачитывает епископу карфагенскому указ о запрете «никейцам» проповедовать свою веру вандалам (II. 13). Другой легат Зенона, Ураний, который якобы прибыл в Африку для защиты кафолической веры, выступает молчаливым свидетелем жесточайших пыток, причем Гунерих намеренно расставляет на пути следования византийского легата «множество палачей... на позор самому государству» (V. 7)². Таким образом, если Империя и присутствует у Виктора в излагаемой им истории, то исключительно в роли бессильного защитника православных, страдающих от гонений. Конечно, Виктор не упоминает о бесславной экспедиции Василиска, организованной в 467 г. императором Львом I, и о вторжениях вандалов на Пелопоннес и в Грецию, о которых известно из труда Прокопия Кесарийского (*Proc. BV. I. 5. 22–6. 4*). Но молчание по этим поводам мало меняет картину: и без упоминания этих неудач византийской политики Империя показана Виктором далеко не в выигрышном свете.

Вряд ли подобным образом можно было подтолкнуть византийские власти к активным действиям против вандалов. Кроме того, нам ничего не известно о популярности труда Виктора на Востоке, так что даже если епископ Виты и рассматривал восточных христиан в качестве своих читателей, то далеко не в первую очередь. По всей видимости, круг потенциальных читателей и слушателей «Истории» Виктора (рассказы о конкретных мучениках вполне могли читаться вслух, например, во время монастырских трапез) составляли православные христиане самой Африки, причастные к римской образованности и разделявшие римские ценности.

Вторым важным вопросом, возникающим при исследовании «Истории» Виктора Витен-

ского, является вопрос о литературной традиции, с учетом которой африканский епископ создает свое сочинение. Речь идет не об источниках информации, которые с большим трудом поддаются идентификации [4, с. 288; 5, р. 18–21], а именно о литературном влиянии. Решая данный вопрос, необходимо отдавать себе отчет в том, что христианская латинская историография, в рамках которой, пожалуй, и следует искать литературные образцы, ставшие для Виктора неким ориентиром, делает в IV–V вв. лишь первые шаги. Из собственно исторических трудов Виктору могли быть известны сочинение Лактанция «О смерти преследователей», «Хроника» Сульпиция Севера, «История против язычников» Орозия, а также переведенная на латинский язык и дополненная Руфином Аквилейским «Церковная история» Евсевия Кесарийского.

У исследователей творчества Виктора Витенского вполне оправданно возникало желание поставить его «Историю» в один ряд прежде всего с сочинениями Лактанция и Руфина [9, р. 278–279]. Поиску параллелей с трудом Лактанция способствовала схожесть названий и как будто бы тематики этих произведений: «*De mortibus persecutorum*» Лактанция и «*Historia persecutionis Africanae provinciae*» Виктора. Поиск связи «Истории» Виктора с «Церковной историей» Руфина Аквилейского во многом объяснялся ролью в формировании христианской исторической мысли «Церковной истории» Евсевия, отголоски которой исследователи пытались обнаружить в каждом историческом сочинении, написанном с христианских позиций в эпоху раннего Средневековья. К тому же Евсевий, а за ним и Руфин, в отличие от Сульпиция и Орозия, наполняют свои повествования примерами мученичества, что сближает рассказ Виктора Витенского и с греческой, и с латинской «Церковной историей».

Однако даже беглое сравнение подходов Лактанция и Виктора способно убедить читателя, что рассказы ратора начала IV в. и епископа конца V в. о гонениях существенно разнятся. Для Виктора повествование о гонении – прежде всего повод показать стойкость веры африканских «никейцев» и славу мучеников. Именно священнослужители и миряне, идущие на смерть ради веры, становятся главными героями «Истории». Не случайно основной объем текста занимают восходящие к мартирологам рассказы о том или ином мученичестве. Лактанций же совершенно не упоминает конкретных мучеников, а рассказ о гонении обретает у него характер «общего взгляда», при этом основное внимание концентриру-

ется им на судьбе императоров-гонителей и Империи как таковой. Можно согласиться с переводчиком и издателем Лактанция Дж. Кридом, который видит в «*De mortibus persecutorum*» прежде всего историю Римской империи, а не христианской Церкви [10, р. xxxvi]. Это действительно так, особенно если учесть наличие у Лактанция большого объема материала, не имеющего прямого отношения к церковным событиям: так, рассказ о гражданской войне, восходящий, по мнению исследователей, к так называемой *Kaisergeschichte* [11, S. 3–10], занимает едва ли не половину текста. В свою очередь, Виктор судьбу правителей отодвигает на периферию, ставя в центр участь христианского народа и его лидеров. Если в чем и можно обнаружить близость подходов Лактанция и Виктора, так это в объяснении природы самого гонения, о чем мы скажем ниже.

Гораздо более интересные результаты дает сравнение труда Виктора Витенского с «Церковной историей» Евсевия, с которой африканский епископ мог быть знаком по латинскому переводу Руфина. Впервые в историографии вопрос о влиянии текста Руфина на Виктора был поставлен Филиппом Винном, который провел сравнительное исследование двух исторических сочинений и нашел в них ряд вербальных совпадений [12]. При этом речь идет не о заимствовании Виктором у Руфина собственно исторической информации, но об использовании риторических формул и образов, понятных читателям Евсевия и Руфина. В частности, Ф. Винн указывает на сходство в изображении, с одной стороны, Евсевием/Руфином бедствий жителей Иерусалима во время осады 70 г. н. э. и, с другой стороны, Виктором вторжения вандалов в Африку [12, р. 189]. Описание Руфином несчастий – засухи, голода и чумы, обрушившихся на Восток после издания антихристианского эдикта Максимиана Дазы (Ruf. HE. IX. 7. 16–8. 1), во многом повторяется Виктором при изображении засухи и голода, поразивших Африку вслед за изданием эдикта короля Гунериха, направленного против православных (V. 17) [12, р. 190–191]. Рассказ Виктора о женщине, спешащей с ребенком на руках навстречу своей мученической смерти (II. 9), находит параллель у Руфина (Ruf. HE. XI. 5), причем рассказы не только имеют единый сюжет, но и включают в себя схожие диалоги [12, р. 196]. Всего Ф. Винн обнаруживает у Виктора Витенского, по крайней мере, шесть отрывков, восходящих к Руфину Аквилейскому.

Очевидно, что Виктор был не просто знаком с трудом Евсевия и Руфина, но высоко ценил

обоих авторов как ритором. Не случайно, говоря о бедствиях в Африке, Виктор, чтобы подчеркнуть неспособность языка адекватно передать масштаб трагедии, в качестве образцов христианского красноречия называет Евсевия, Руфина, Амвросия, Иеронима и Августина. При этом Виктор прямо указывает, что именно Евсевию «пристало бы взяться за этот труд», то есть за описание бедствий христиан (V. 18). В этой фразе Виктор, собственно, и обозначает свое следование той традиции, которая заложена Евсевием.

В то же время сам Ф. Винн говорит о существенных отличиях труда Виктора от «Церковной истории» Евсевия/Руфина. Во-первых, сочинению Виктора не хватает «вселенского охвата», заданного Евсевием, а во-вторых, ему недостает исторического оптимизма, которым наполнены финальные главы «Церковной истории» Руфина [12, p. 196].

И тут мы подходим к вопросу об исторической концепции Виктора Витенского или, если о наличии целостной концепции говорить сложно, к вопросу об особенностях осмысления им истории. Виктор, в самом деле, не создает в своем произведении позитивной перспективы. Если рассказ Лактанция и Евсевия завершается победой боголюбивого Константина, а история, изложенная Руфином, – торжеством православия при Феодосии Великом, то повествование Виктора Витенского – лишь молитвой за гонимых православных христиан Африки. Но это вовсе не значит, что исторический взгляд Виктора абсолютно лишен оптимизма. Виктор, как видно, отчасти принадлежит к той историографической и историософской традиции, для которой испытания Церкви и внешние для нее угрозы служат сплочению и увеличению численности христианского (православного) народа, процветание которого происходит вопреки угрозам и бедам. Эта идея, следы которой отчетливо обнаруживаются у Сульпиция Севера и Иеронима Стридонского [13, с. 127, 143], выражена у Виктора не так явно, но тем не менее и этот африканский историк пишет, что во времена Гейзериха христиане начинают активную проповедь среди мавров, в результате чего «сделали христианами огромное множество варваров-язычников (*multitudinem gentilium barbarorum*) там, где прежде никому не было известно о христианах... великое множество варваров приняло крещение, и за счет волков приумножилось стадо агнцев» (I. 11). Пожалуй, в этом подходе можно обнаружить также влияние концепции Саллюстия о связи процветания общества (у Саллюстия – римского народа) с

наличием внешних угроз, мобилизующих общество. Тем более что Саллюстий – единственный языческий историк, упомянутый Виктором Витенским в «Истории» (V.18)³.

Весь рассказ Виктора о гонении короля Гунериха на православных превращен автором в череду примеров стойкости, непоколебимости праведников, являющих славу мученичества, что также создает впечатление торжества Церкви. Основное внимание Виктора Витенского сосредоточено на судьбе африканской церкви и именно поэтому его труд следует рассматривать в рамках церковной историографии. Но для понимания его как церковного историка важно разобраться в том, что сам Виктор понимал под Церковью (*Ecclesia Dei, populus Dei*).

Для Виктора сама Церковь – собрание прежде всего и даже исключительно православных христиан; они – христиане истинные, в отличие от еретиков, которые лишь присвоили себе христианское имя. Поэтому Виктору абсолютно чужд взгляд Сульпиция Севера, сетовавшего на то, что Церковь (как сообщество всех христиан) раздирается конфликтами между ортодоксами и еретиками [13, с. 143]. Для Виктора церковные события V в. в Африке – это вовсе не гражданская война в Церкви (как для Сульпиция события конца IV в. в Галлии), но прежде всего противостояние праведников внешней угрозе. Причем внешней силой являются не только вандалы-завоеватели, но еретики всех мастей: ариане из числа вандалов и местных жителей, донатисты, манихеи. И в этом Виктор, конечно же, ближе к Руфину Аквилейскому, написавшему историю с позиций «никейцев». Жесткое отделение истинных христиан от лжехристиан приводит в «Истории преследований» к тому, что даже тиран и гонитель православных, если он преследует еретиков, получает у Виктора позитивную оценку. Так, в начале второй книги Виктор сообщает о гонении короля Гунериха на манихеев, в ходе которого он «многих сжег, большинство же отправил на кораблях за море». И тут же историк пишет (II. 1), что за это тиран вполне мог бы снискать похвалу (*propter quod magis laudabilior memoratus tyrannus videbatur*).

Борьба с внешним для Церкви врагом является, безусловно, праведной, что подчеркивается в произведении Виктора через включение в исторический процесс Бога не только в роли организатора истории, но и в качестве помощника православных. Бог укрепляет праведников (I. 15), обеспечивает благополучное плавание изгнанникам, посаженным по приказу короля на непригодные корабли (I. 5), разрушает планы гонителей (II. 7), являет чудеса, даруя слепцам

зрение (II. 17), а лишенным языка – речь (V. 6). С другой стороны, действия гонителей являются не только проявлениями человеческих пороков (зависти, ненависти, жестокости, злобы), но и исполнением дьявольских замыслов и предписаний. Не случайно Виктор именует их слугами дьявола (V. 1). Именно дьявол подсказывает новые пытки для истязания епископа Тамаллуда (V. 12) и помогает воплотить в жизнь коварные замыслы Гунериха, тут же разрушенные Христом (II. 7). Таким образом, земная история становится у Виктора выражением космической драмы.

Включение в исторический процесс Бога как защитника Церкви естественным образом приводило церковных историков к мысли о провиденциальной связи между политикой правителя в отношении Церкви и судьбой государства; эту идею, обычно называемую «мелитоновской»⁴, можно обнаружить и у Евсевия, и у его преемников [14, с. 228; 1, с. 41]. Вопрос о следовании Виктора Витенского этой концепции не так прост. Финальный отрывок его сочинения, казалось бы, не оставляет сомнений в том, что и этот африканский автор объясняет судьбу правителя (не императора, а короля, что не так важно) в мелитоновском духе: король Гунерих, автор наиболее жестокого преследования православных христиан Африки, принял смерть «по заслугам своим» (*meritorum suorum mortem consummans*), сгнив заживо (V. 21). Более того, несколько ранее Виктор упоминает о том, что во времена гонений Гунериха Африку поразил невероятный голод из-за страшной засухи, причем автор прямо указывает (V. 17), что это не было случайностью, но произошло «по верному и справедливому суду Бога» (*ne frustra, sed vero et justo iudicio Dei*). Причем из построения текста (сообщение о голоде и море следует после хвалы мученикам) и из отдельных фраз ясно, что адресатами божественного гнева Виктор видит прежде всего вандалов и отступников, перекрестившихся в арианскую веру. Кроме того, сообщив о начале гонений Гунериха (II. 4), Виктор кратко упоминает о раздоре в королевском семействе, об убийствах королем своих родственников и приближенных, об изгнании тех из них, кто не был убит (II. 5), и пишет, что правление Гунериха оказалось кратким и обреченным на смерть (II. 6). Также частным случаем использования «мелитоновской» концепции можно считать характеристику смерти Прокула, проконсула Зевгитаны, который разграбил храмы и из покровов с алтарей (*de palliis altaris*) сшил себе одежды, но вскоре умер постыдной смертью, откусив себе язык (I. 12).

Однако к этим примерам, собственно, и сводится использование «мелитоновской» концепции у Виктора Витенского. Он ничего не пишет о судьбе Гейзериха, во времена которого пострадало немало православных христиан. Историк лишь фиксирует факт смерти короля (I. 17) и передачи власти его сыну Гунериху (II. 1). «История преследований» почти не содержит рассказа о «мирских делах» вандалских королей, позволивших бы обнаружить зависимость между религиозной политикой королей и успехами/неудачами королевства. Но и приведенных выше примеров достаточно, чтобы увидеть тесную связь Виктора с формирующейся церковно-исторической традицией.

Однако вернемся к самим гонениям на «никейцев» в Африке. Довольно важным является вопрос о понимании Виктором природы того, что случилось в Северной Африке с приходом вандалов: почему происходят гонения, почему Господь попускает преследование своих рабов. Церковная историография к началу V в. предложила несколько объяснений того, что лежит в основе гонений на христиан. Самое, пожалуй, известное принадлежит Евсевию Кесарийскому, возложившему вину за Великое гонение на самих христиан, которые в мирные времена стали предаваться взаимной вражде, раздорам и прочим порокам, чем и вызвали на себя гнев Бога (Eus. HE. VIII. 17–8). В самом начале V в. было сформулировано и четкое теологическое объяснение не только гонений, но и всего хода истории, наполненного драматическими столкновениями и конфликтами. Орозий, следуя за Августином, объяснил, что все исторические события суть либо проявление греховной природы человека (первородного греха), либо божественное наказание за грехи [13, с. 159–162]. В результате христианские историки, рассматривая происходящее не только как космическую, но одновременно как человеческую драму, указывали на личностные особенности гонителей как на источники гонения.

Виктору Витенскому, писавшему в конце V в., уже не нужно было специально объяснять начавшиеся гонения с теологических позиций. Конечно, Виктор Витенский, как когда-то Лактанций, обнаруживает причины гонений в человеческих страстях. Гейзерих движим «мстительностью и гневом» (I. 11), арианские епископы – завистью к успехам православных (II. 3), Гунерих исполнен злыми намерениями и хитростью (II. 18). Но в то же время Виктор Витенский находит место и Божьему гневу в отношении православных. В молитве, которой завершается «История преследований», явно звучат отголос-

ки августиновских идей (или идей Орозия): «то, что выпало на долю нашу, [дано нам] не для испытания нашего, как если бы мы были святыми, но [ниспослано] нам как кары грешникам по заслугам нашим» (V. 20). Так что вряд ли прав Н. Шварц, утверждающий, что Виктор не стремился объяснить вторжение вандалов в Африку пороками христиан [7, р. 21].

Подведем некоторые итоги. Отправным для этой статьи стал вопрос о принадлежности сочинения Виктора Витенского к церковным историям как к историографическому и литературному феномену IV–VII вв. Ответ на этот вопрос, безусловно, зависит от понимания того, что собой представляла церковная историография и насколько жесткие рамки задаются для ее определения. Отдавая себе отчет в многообразии подходов церковных историков к изложению и пониманию прошлого и настоящего Церкви, исследователи так или иначе стремятся увидеть в их произведениях то существенное, которое формирует единство «феномена». Как видно, Виктор в своем произведении, ориентированном на православного читателя, говорит о судьбе Церкви; говорит на языке «историков», а не «хронистов», причем именно церковных историков, используя некоторые из их творений в качестве литературного образца. Он объясняет исторические события так, как понимает их читатель Евсевия, Руфина и Орозия. Именно это, думается, и составляет существо явления. Конечно, Виктора нельзя назвать подражателем какого-то конкретного предшественника, он достаточно творчески переработал и использовал подходы, выработанные церковными или, если говорить шире, христианскими историками. Но и сами христианские историки начала V в. (Руфин, Сульпиций, Орозий) разительным образом отличаются друг от друга.

Единственное, что отличает труд Виктора Витенского от произведений Евсевия, Руфина, Сульпиция, Орозия, это отсутствие исторической перспективы. Но для Запада христианского мира это вполне естественно и легко объяснимо. Меняющийся политический мир задавал новые горизонты исторического внимания, поэтому неудивительно, что христианский универсализм (где-то в соединении с имперским) дополняется вниманием к локальной истории. И если в середине V в. Проспер Аквитанский в «Хронике» еще перечисляет события, происшедшие как на Западе, так и на Востоке, то его современник Идаций, продолжая «Хронику» Евсевия/Иеронима, сосредоточен уже в основном на западных, главным образом испанских, событиях. Однако это сужение горизонта не

меняет существа дела: и произведение Идация остается всемирной хроникой, и сочинение Виктора – церковной историей.

Примечания

1. Ссылки на текст «Истории преследований в Африканской провинции» даются в тексте с указанием номера книги (римской цифрой) и отрывка (арабской цифрой). Ссылки даются на текст, изданный Карлом Хальмом [8].

2. Сложно сказать, что Виктор имеет в виду в данном случае под государством, но скорее всего фразу «ad opprobrium videlicet ipsius reipublicae» он адресует все-таки Империи.

3. Справедливости ради надо сказать, что Виктор Витенский упоминает Саллюстия прежде всего в качестве образца красноречия.

4. Концепция названа именем Мелитона Сардийского, которого цитирует Евсевий Кесарийский, причем именно мысль о том, что при императорах, проявлявших терпимость к христианам, Империя процветала, а при гонителях Церкви – приходила в упадок. См., об этом, в частности, суждения И.В. Кривушина: [14, с. 69].

Список литературы

1. Ващева И.Ю. Феномен «Церковных историй» в эпоху поздней античности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Белгород, 2013.
2. Беляев С.А. Города Римской Северной Африки во времена владычества вандалов: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970.
3. Виктор Витенский. История гонений в Африканской провинции // Церковные историки IV–V веков. М., 2007. С. 97–169; 473–513.
4. Тимофеев М.А. Христианская историческая мысль в эпоху поздней Римской империи // Церковные историки IV–V веков. М., 2007. С. 265–295.
5. Lancel S. Introduction // Victor de Vita. Histoire de la persécution vandale en Afrique. La passion des sept martyrs. Registre des provinces et des cités d'Afrique / Text établis, trans. et comm. par S. Lancel. Paris, 2002. P. 3–96.
6. Fahey W.E. History, community, and suffering in Victor of Vita // Vetus Doctrina: Studies in early Christianity and its medieval tradition in honor of Fredric W. Schlatter S.J. / Ed. C.D. Tkacz, D. Kries & M.W. Tkacz. New York, 1999. P. 225–241.
7. Swartz N. Reflections on historical writing: an investigation of the application of Cicero's rules for the historian in Victor's 'Historia Persecutionis' // Studia Historiae Ecclesiasticae. 2010. Vol. 36 (2). P. 11–27.
8. Victor Vitensis. Historia persecutionis Africanae provinciae / Rec. C. Halm // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. T. 3. Pars. 1. Berlin, 1879. P. 1–58.
9. Shanzer D. Intentions and audiences: history, hagiography, martyrdom, and confession in Victor of Vita's 'Historia Persecutionis' // Vandals, Romans and Berbers: new

perspectives on late antique North Africa / Ed. A.H. Merrills. London, 2004. P. 271–290.

10. Creed J.L. Introduction // Lactantius. *De mortibus persecutorum* / Ed. J.L. Creed. Oxford, 1984. P. i–xlvi.

11. Roller K. *Die Kaisergeschichte in Lactanz "De mortibus persecutorum"*: Diss. Giessen, 1927. 42 S.

12. Winn Ph. *Rufinus of Aquileia's Ecclesiastical History and Victor of Vita's History of the Vandal Per-*

secution // *Classica et Mediaevalia*. 1990. Vol. 41. P. 187–198.

13. Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2005. 287 с.

14. Кривушин И.В. *Ранневизантийская церковная историография*. СПб.: Алетейя, 1998. 256 с.

VICTOR OF VITA AND THE TRADITION OF ECCLESIASTICAL HISTORIOGRAPHY OF THE 4TH–5TH CENTURIES

V.M. Tyulenev

In the focus of the author's attention is the question about the features of Victor of Vita's *Historia persecutionis Africanae provinciae* as a sample of the ecclesiastical historiography of Late Antiquity. We trace the connection between the work by Victor of Vita and the tradition of Western ecclesiastical historiography of the 4th-5th centuries. The article proves that Victor often used the approaches of Lactantius, Eusebius, Rufinus of Aquileia, Sulpicius Severus and Orosius for the representation and explanation of history.

Keywords: Victor of Vita, Late Antiquity, ecclesiastical historiography, historical thought.